

Гдѣ не было чуда, вошше шамъ искашь и ща-
спливца!
 Все смершное прежде родилса, роспешъ, созръ-
ваешъ,
 Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Кро-
номъ,
 Но щаспія мы и красы въ созръваньи не ви-
димъ!
 Опъ вѣка онъ совершенны во всемъ совершен-
спивъ созданья!
 Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде
небесной,
 Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ пайныхъ обиле-
лей моря!
 Какъ древле Минерва, въ безсмершный эгидъ и
шеломъ ополченна,
 Такъ каждая свѣплая мысль изъ главы громоверж-
ца родилса.
Жуковскій.

LXVII.

ВОСПОМИНАНІЯ въ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой ноци
 На сводѣ дремлющихъ небесъ;
 Въ безмолвной тишинѣ почилъ доль и роци,
 Въ сѣдомъ шуманѣ дальній лѣсъ;
 Чувъ слышитса ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
 Чувъ дышетъ вѣперокъ, уснувшій на лиспахъ,

И шихая луна, какъ лебедь величавый
Плывешь въ сребрисшыхъ облакахъ.

*

Плывешь — и блѣдными лучами
Предмешы освѣшила вокругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ пополомъ сплелась молодая ива,
И ошразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣпешь.

*

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Спекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ шихомъ озерѣ плескаются Няяды
Его лѣнливою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные черпоги,
На своды опершись, несупся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы Росской храмъ?

*

Не се-ль Елизіумъ полнощный,
Прекрасный Царско-сельскій садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и опрадъ?

Увы! промчались тѣ времена злая,
Когда подъ скипетромъ великія Жены
Въичалась славою щаспливая Россія,
Цвѣшя подъ кровомъ шишимы.

*

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспомянѣя прежнихъ лѣшъ;
Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ въ-
щаетъ:

„Исчезло все, Великой нѣшь!“

И въ думу углублень, надъ злачными брегами
Сидишь въ безмолвіи, склоняя вѣшрамъ слухъ;
Протекшія лѣша мелькають предъ очами
И въ шихомъ восхищеньи духъ.

*

Онъ видишь: окружень волнами,
Надъ швердой, мшистою скалой
Вознесся памяшникъ (*). Ширяся крылами,
Надъ нимъ сидишь орель младой.
И цѣпи шяжкія, и спрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго сполпа шприкрапы обвилісь;
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдыя
Въ блестящей пѣнѣ улились.

*

Въ шѣни гусшой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памяшникъ просной.
О сколь онъ для шебя, Кагульскій брегъ, поно-
сенъ

И славенъ родинѣ драгой!

Безсмершны вы вовѣкъ, о Росски Исполины,
Въ бояхъ воспитанны средъ бранныхъ непогодъ!
О васъ, сподвижники, друзья Екашерини,
Пройдешъ молва изъ рода въ родъ.

*

О громкой вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣщель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Попомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ спрашась, дивилса міръ;

(*) Въ честь Графу А. Г. Орлову-Чесменскому.

Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Спрунами громозвучныхъ лиръ

*

И пы промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя и ужасы военны:
Спрадашь ешь смершнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукропимой длани
Коварствомъ, дерзоспью вѣнчаннаго Царя;
Возспалъ вселенной бичъ — и вскорѣ люшой брани
Зардѣлась грозная заря;

*

И быстрымъ понеслись попокомъ
Враги на Рускія поля.
Предъ ними мрачна спень лежишь во снѣ глубо-
комъ,

Дымишся кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылающъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрывающъ,
И праздный въ полѣ ржавишь плугъ.

*

Идушъ; ихъ силѣ нѣтъ препоны;
Все рушашъ, все свергающъ въ прахъ,
И пѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединяшъ полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходяшъ непреспанно,
Иль бродяшъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи . . . .
Но клики раздались! . . . Идушъ въ дали шуман-
ной . . .

Звучашъ кольчуги и мечи!

*

Спрашисъ, о рашъ иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;

Возспалъ и спаръ и младъ, лепяпъ на дерзно-
венныхъ,

Сердца ихъ мщеньемъ возжены. —

Воспрепеци, ширань! ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ рапникѣ уэришь богашыря;
Ихъ цѣль: иль побѣдишь, иль паспъ въ пылу сра-
женья

За вѣру, за Царя.

*

Репивы кони бранью пышуть,

Усыанъ рапниками долъ,

За спроемъ спрой шечепъ; всѣ меспью, славой
дышуть,

Восторгъ во грудь ихъ перешель;

Лепяпъ на грозныи пиръ; мечамъ добычи шщупъ,
И се — пылаешъ брань; на холмахъ громъ гре-
мигъ,

Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами спрѣлы сви-
щупъ,

И брызжетъ кровь на щипъ.

*

Сразились — Руской побѣдипель!

И вспяпъ бѣжишь надменный Галль;

Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержишель

Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;

Не здѣсь его сразиль воишель посѣдѣлый;

О Бородинскія кровавыя поля!

Не вы нейсповству и гордоспи предѣлы:

Увы! на башняхъ Галль Кремля! . . .

*

Края Москвы, края родные,

Гдѣ на зарѣ цвѣшущихъ лѣпъ

Часы безпечности я прапиль золошыю,

Не зная горестей и бѣдъ,

*

И вы ихъ видѣли, враговъ моей опчизны,
 И вась багрила кровь и пламень пожираль!
 И въ жериву не принесъ я мщенья вамъ и жи-
 зни . . . .

Воппе лишъ гнѣвомъ духъ пымалъ!

*

Гдѣ пы, краса Москвы споглавой,
 Родимой прелесъ спороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
 Развалины шеперь одни;
 Москва! сколь Рускому швой зракъ унымый спра-
 шень!
 Исчезли зданія Вельможей и Царей;
 Все пламень испребиль; вѣнцы запмились ба-
 шень;

Черпоги пали богачей.

*

И шамъ, гдѣ роскошь обипала,
 Въ сѣниспыхъ роцахъ и садахъ,
 Гдѣ миршъ благоухаль, и липа препепала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной, лѣшней ночи
 Веселье шумное шуда не полешипъ;
 Не блещупъ ужъ въ огняхъ берега и свѣшлы
 роци —

Все мершво, все молчипъ . . . .

*

Упѣшся, машъ градовъ Россіи,
 Возри на гибель пришлеца.
 Опягошѣла днешъ на ихъ надменны выи
 Десница мспящая Творца.
 Взгляни: они бѣгупъ, озрѣшся не дерзаюшъ,
 Ихъ кровь не пресшашъ въ снѣгахъ рѣками
 шечь,

Бѣгушь — и въ шѣмѣ ночной ихъ гладь и смершь
срѣпающъ,
А съ пыла гонишь Россовъ мечъ.

*

О вы, копорыхъ препенали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы въ могилы пали . . . .
О спрахъ! о грозны времена!
Гдѣ пы, любимый сынъ и щаспья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечпавъ мечемъ низѣбергнущъ
проны,

Исчезъ, какъ упромъ спрашный сонъ!

*

Въ Парижѣ Россъ! — Гдѣ факель мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядешъ съ оливою злапой;
Еще военный громъ грохочетъ въ ошдаленьи,
Москва въ унынїи, какъ спешъ въ полнощной
мглѣ,
А Ояъ несешъ врагу не гибель — но спасенье
И благошворный миръ землѣ.

*

Достойный Внуку Екашерини!
Почпо небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ дру-
жины,

Мой духъ воспоргомъ не горишь!

О ешьлибъ Аполлонъ пишовъ даръ чудесной
Вляялъ мнѣ нынѣ въ грудь! шобою восхищеньъ,
На лирѣбъ возгремѣлъ гармоніей небесной,
И возсіялъ во шѣмѣ времени!

*

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
 Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламенен-
 ной,
 Взгреми на арфѣ золотой;
 Да снова стройный гласъ Герою въ честь
 прольется,
 И струны препенны посыплютъ огонь въ сердца,
 И ратникъ молодой вскипиль и содрогнешя
 При звукахъ браннаго пѣвца.

А. Пушкинъ.

LXVIII.

РУСКОЙ ПЛѢННИКЪ

ВЪ СТѢНАХЪ ПАРИЖА.

На брегѣ Сены знаменитой,
 Сынъ брани, славою забытый,
 Обезоруженный герой,
 Пѣль Руской плѣнникъ въ часъ ночной:
 „Намъ, воины Москвы и чести!
 Удѣль завидный данъ судьбой:
 Въ кровавой битвѣ жажда мести;
 Средь бѣдливый твердость и покой!

Врагамъ я отдалъ мечъ булатной;
 Но мечъ, изсѣченный прикратно,
 Былъ кровью дерзкихъ обогреть;
 Глаза подернулъ смерти сонъ.